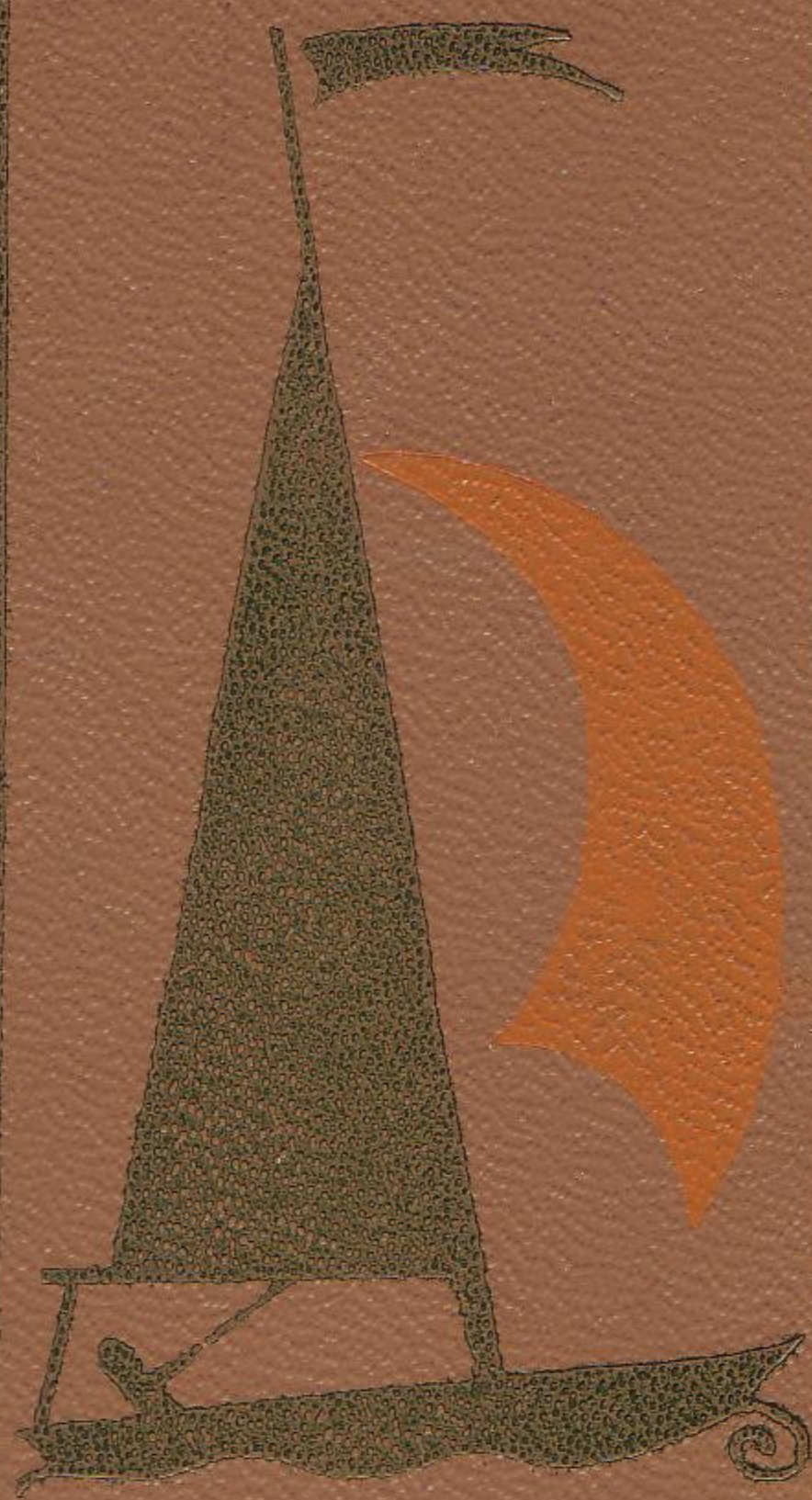

001
X 87

Хочу ВСІЄ знати

Хочу **ВСЁ** знать

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1980

Г. Матвеева

ВО ИСПОЛНЕНИЕ УКАЗА...

Однако хорошо известно, что корабли знаменитого английского мореплавателя не приставали к невским берегам. Как же попали тихоокеанские диковинки в петровскую Кунсткамеру? Долгим и дальним был их путь. Много людей соприкоснулось с ними на этом пути. Их стараниями они были собраны, сохранены, а затем доставлены в музей. Обстоятельства сложились так, что прибыли они в столичный Петербург не по морю, а были привезены по суше через всю громадную, почти бездорожную тогда территорию России с далекой Камчатки.

В Кунсткамеру, старейший государственный музей России, основанный еще Петром I, 27 марта 1780 года поступила новая коллекция. Она была собрана на островах Океании и получена в дар от участников третьей (и последней) экспедиции капитана Кука, проходившей в 1776 — 1779 годах.

«ГЛАВНЫЙ КОМАНДИР» КАМЧАТКИ

В те давние времена Камчаткой управлял «главный командир», назначаемый специальным императорским указом. Он был обязан защищать эту далекую землю от вражеских нападений, радеть о ее благоустройстве и заботиться о благе казны — собирать ясак с коренных жителей. Редко, однако, на этой должно-

сти оказывался достойный человек. Камчатские берега оставались неукрепленными, долг казне возрастал, а местные камчадалы и коряки выражали недовольство лихоимством начальников.

Для приведения дел в порядок Екатерина II указом от 30 апреля 1772 года определила главным командиром Камчатки капитана Карла Магнуса Бема, произведенного по этому случаю в звание премьер-майора. Уроженец Риги, он состоял на русской военной службе, участвовал в Семилетней войне с Пруссией, не раз был ранен и побывал в плену.

Получив назначение, майор не стал мешкать со сборами. Две подросшие дочери были оставлены учиться в столичном пансионе, а сам он с женой уже 14 мая выехал из Петербурга. Целых четыре месяца добирались они до Иркутска, такими были в то время дороги. А там застала их осенняя распутица. Лишь в конце ноября зимним путем отправился Бем в Охотск, где долго хлопотал о провианте и соли, о ружьях и порохе, о пушках и ядрах к ним. Наконец 17 сентября следующего, 1773 года четыре тяжелогруженных судна вышли из Охотской гавани и 12 октября пришли в Большерецкий порт. Майор Бем вступил в управление Камчатским полуостровом.

Пока разгружались суда, пока устраивались в Большерецке, где размещалась Камчатская канцелярия, наступила зима. Но делать нечего: Бем получил наказ самолично осмотреть всю Камчатку да начать повсюду работы. В ноябре отправился он в Петропавловский порт, где нес службу всего один человек, — вот и вся защита от любого нападения! Пришлось срочно определить туда воинскую команду, снабдив ее двумя пушками.

Встретив Новый год дома, майор совершил объезд всех камчатских острогов — так назывались тамош-

ние селения, обнесенные оградой из бревен. Зимой и летом, в стужу и в дождь отправлялся он за сотни верст в самые отдаленные места полуострова. Путешествовал он и на собаках, и на лодках, но большею частью ходил пешком. Зимой вместе со спутниками заносило его снегом. Весной в студеной воде разлившихся рек не раз судорогой сводило ноги.

А забот у главного командира не убавлялось. Не хватало на весь год хлеба, да и возить его из Охотска было далеко и дорого. Местные жители хлеба не сеяли. Они пасли оленей, били пушного зверя, ловили рыбу. Но климат Камчатки, не столь уж суровый, вполне годился для земледелия. По совету Бема выбрали подходящий участок, засеяли его рожью и ячменем и осенью собрали неплохой урожай.

В заботе о хлебе насущном не забывал Бем и о государственной пользе. Он составил инструкцию для купцов, торговавших на побережье и на островах северных морей. Она обязывала их привозить сведения об этих местах и «сочинять перепись живущих там народов и описания тех островов».

Так постепенно росли знания о далеких северных землях, уточнялась карта.

Строительство солеварни для получения дешевой соли и, значит, для помощи солдатским семьям, «железного» завода, снабжавшего своими изделиями не только Камчатку, но и Охотский порт, — всеми этими делами оставил майор Бем добрую память на Камчатке и заслужил высокую оценку своих современников.

В делах и хлопотах скучать было некогда. Незаметно пошел уже шестой год службы Бема на полуострове. Матвею Карповичу, как именovali его в обиходе, перевалило за пятьдесят лет. Все чаще давали о себе знать старые раны, трудны стали пешие переходы да переезды в непогоду. Подрастали и нужда-

лись в учении родившиеся на Камчатке сын и дочь. Майор подал рапорт об увольнении с поста командира Камчатки. Он уже сдавал дела своему заместителю, капитану Шмалеву, когда неожиданные события заставили его спешно вернуться к делам управления.

ПОМОЩЬ «ТЕРПЯЩИМ БЕДСТВИЕ»

29 апреля 1779 года в Авачинскую губу, не по-весеннему забитую льдом, вошли два иностранных корабля. В полумиле от берега им пришлось отдать якоря. Зима, казалось, и не думала уходить с Камчатки, укрытой обильными снегами. Местность выглядела пустынной. Лишь у самой воды стояло не-

сколько бревенчатых домов и конусовидных хижин, да на мысу возвышалась дозорная башня с флагштоком. Еще пустыннее казались остальные берега залива. «Нигде не было видно ни одной живой души, только небольшие стаи уток нарушали это торжественное и необъятное спокойствие», — записал в дневнике капитан одного из судов.

На берегу тоже недоумевали: что за корабли нагрянули в Петропавловск? Русские суда, привозившие припасы из Охотска, ожидалось лишь летом, да и не походили пришельцы на торговые парусники. Не дай бог, если затаили они враждебные намерения. Трудно будет отстоять русскую землю небольшими силами местного гарнизона. Сержант Сургуцкий, оставленный его командиром, хорошо знал возможности своей

команды: не считая больных, в ней несли службу человек пятнадцать плохо экипированных нижних чинов. И не в том была беда, что давно не выдавали им обмундирования и шили они себе одежду из оленьих и собачьих шкур. Плохо, что никуда не годились старые ружья и пушки, присланные сюда из Якутска и Охотска. Нельзя было рассчитывать и на помощь жителей. После недавнего пожара, уничтожившего в Петропавловске большую часть построек, почти все люди перебрались на западный берег в Большерецк.

Но сержант был верен воинскому долгу и дело знал. Он приказал команде построиться на берегу, дабы в случае надобности дать отпор чужеземцам.

Первый день, между тем, прошел спокойно. Ночью подул сильный ветер и вынес из залива в открытое море весь лед. Наутро от одного корабля отошли шлюпки и остановились у широкой полосы плотного ледяного припая. В сопровождении двух матросов к берегу пешком отправились молодой офицер и господин в штатском платье. Было видно, с каким трудом шли они по глубокому снегу, прикрывавшему лед. Вскоре офицер, сделав неосторожный шаг, провалился в полынью. Матросы бросили ему шлюпочный крюк, и офицер, подтянувшись на нем, выбрался из воды.

Сержант Сургуцкий тем временем рассмотрел, что моряки не были вооружены. Даже матрос, державший крюк, предусмотрительно шел последним.

Молодой офицер еще издали показывал какие-то бумаги, жестами давая понять, что они предназначены для передачи сержанту.

Когда с помощью русского отряда моряки вышли на берег, сержант предложил им следовать за ним, кивнув в сторону дома. У дверей стояли две пушечки, нацеленные на шлюпку, рядом лежали при-

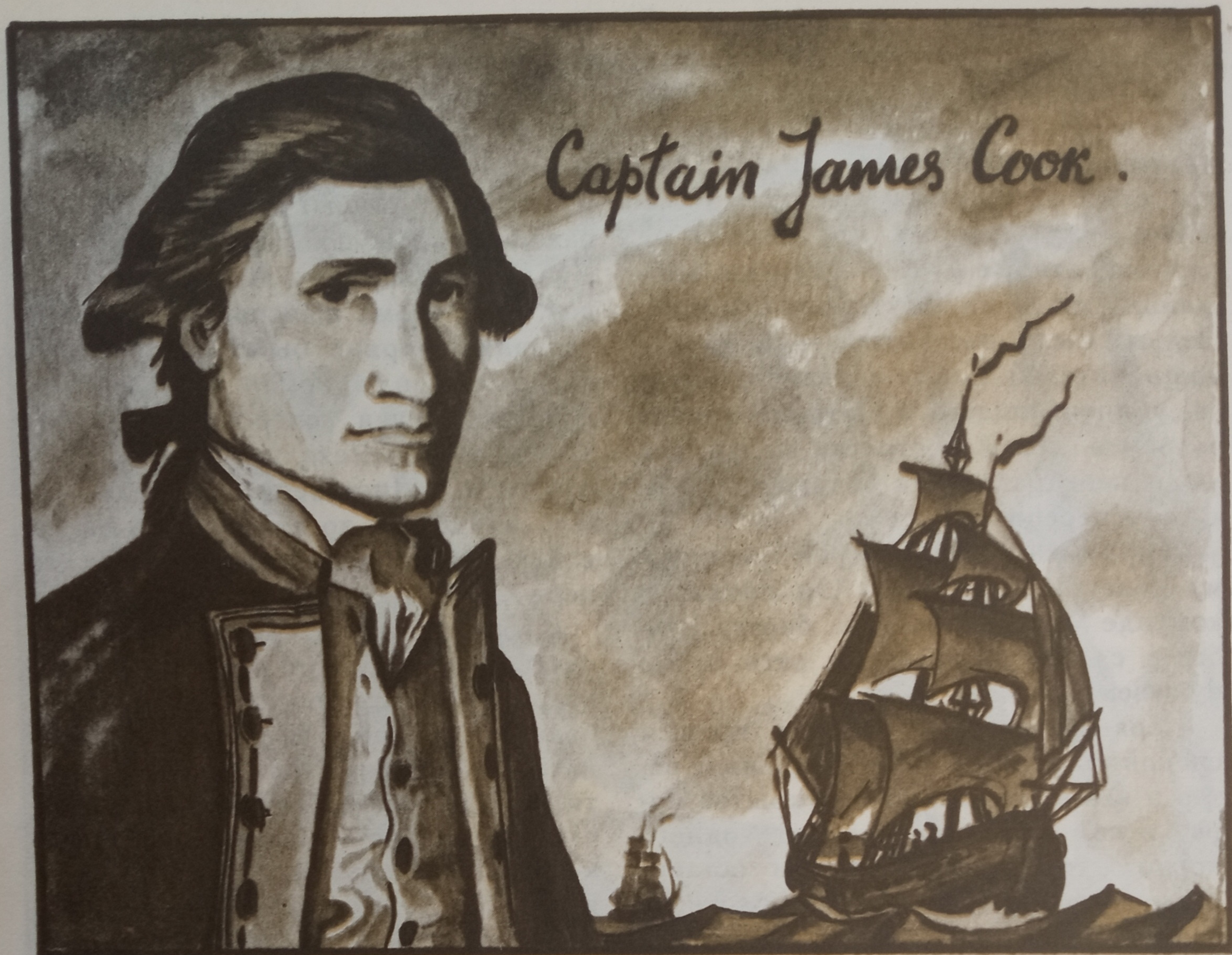
готовленные для выстрелов заряды, порох, фитили...

В доме уже ждал вызванный сержантом секретарь. Он тотчас же вскрыл письма. Одно из них прислал русский штурман Герасим Измайлов, находившийся по делам службы на Уналашке, одном из Алеутских островов. Из письма выяснилось, что иностранные моряки были англичанами, которые под командой капитана Джеймса Кука совершали плавание на флагмане «Резолюшн» и на двухмачтовом «Дискавери». Правда, сам Кук незадолго до этого погиб на Гавайях и экспедицию возглавлял теперь его помощник капитан Клерк.

Сургуцкий предложил гостям переодеться в сухую и теплую одежду и пригласил их к обеду. В чисто прибранной и жарко натопленной комнате был накрыт стол. Хозяева и гости, как могли, повели разговор. Англичане смогли объяснить, что у них кончаются продукты и они хотели бы запастись здесь мясом и мукой, а также починить корабли, получив для этого корабельные припасы. Из слов хозяев они поняли, что губернатор Камчатки находится в Большерецке, что добраться туда можно дня за четыре и что пока от него не придут распоряжения, ни сам сержант, ни кто другой из его людей на борт кораблей не поднимутся. Письмо к губернатору было тут же написано и отправлено в Большерецк.

Отвезли гостей к их шлюпке на собачьих упряжках. Они радовались как мальчишки — так удобны были санки, так быстро они мчались, так легко проходили там, где сами они проваливались по пояс.

Известие, привезенное курьером из Петропавловска, обеспокоило командира Камчатки. Еще два года назад получил он от губернатора Сибири приказание тщательно наблюдать за морем и не пропускать в Петропавловскую гавань иностранные суда, со стороны которых обнаружатся «злые намерения». От него требова-

лось «употребить все старания, чтобы не допустить сделать десант». Бем хорошо понимал, что малочисленная воинская команда Петропавловска не составит серьезной преграды для двух судов с большим экипажем и с 48 пушками на борту. Майор срочно созвал «военный совет» и зачитал на нем письмо, присланное Измайловым. Штурман заверял, что корабли эти не могли быть неприятельскими, «потому что с ним и на пустынном острове обходились ласково». Капитан подарил ему квадрант, шпагу, а также карты Южного полушария и входа в Петропавловскую гавань.

Все же на случай непредвиденных действий иностранцев Бем приказал вооружить всех купцов и «чинить отпор». Кроме того, военный совет постановил отправить к англичанам де-

путацию, чтобы доставить письмо от командира Камчатки и подробнее узнать об их намерениях и планах.

В своем письме Бем приглашал англичан продолжить переговоры в Большерецке. Капитан Клерк немедленно отправил туда своего помощника капитана Гора, молодого лейтенанта Кинга и говорившего по-немецки живописца Веббера. В сопровождении казаков с ними возвращались и посланные Бемом люди.

Весна уже давала о себе знать. Начал вскрываться лед. Англичан посадили в большие камчадалские лодки, которые толкали длинными шестами несколько человек. Потом ехали на нартах и снова плыли по реке. Двигались вперед медленно, ночевали, не раздеваясь, прямо в лодках. Гости, успевшие обрасти бородой, в грязной

и мятой одежде, шутя говорили, что стали похожи на каторжан.

В конце пути депутацию ожидал присланный майором сержант с четырьмя солдатами. Он проводил англичан в Большерецк, где их встретила толпа народа. Там же находился и сам майор, извещенный сержантом об их прибытии. Наскоро приведя себя в порядок, гости поспешили засвидетельствовать свое почтение командиру Камчатки. Бем принял их вместе со своим заместителем и преемником Шмалевым. Досадное обстоятельство помешало Бему поговорить с англичанами по-французски — на языке, принятом в свете, — выяснилось, что он забыл все, чему его учили в детстве. Пришлось объясняться через Веббера, переводившего его слова с немецкого языка.

Капитан Клерк специально послал к Бему столь представительную депутацию, желая произвести на него должное впечатление. И он добился своего. Капитан Гор попросил Бема снабдить экипажи мукой и мясом, но тут же выразил сомнение, удастся ли получить это продовольствие на Камчатке.

К его удивлению, майор ответил, что ему самому лучше известны местные возможности, и просил лишь дать ему записку об их нуждах да сообщить о сроках пребывания.

Остальные дела были отложены до следующего дня. Бем лично проводил гостей в отведенный для них дом, показавшийся им после тягот путешествия верхом удобства. Возле дома был выставлен караул, и вечером сержант явился отдать рапорт капитану Гору.

Утром были продолжены переговоры. Бем сообщил, что распорядился послать на эскадру 250 пудов муки и 20 коров. Он отказался принять от англичан деньги, не желая обижать их высокими ценами. Он взял от них лишь расписки и отправил их в столицу для расчетов через английское посольство.

Позднее за обедом у Бема речь зашла об экспедиции англичан. Они рассказали, что их корабли направляются на север, чтобы попытаться найти проход вокруг Северной Америки из Тихого в Атлантический океан. Они уже пробовали сделать это в прошлом году под командой самого Кука, но безуспешно. Встретившие их на 70° северной широты льды заставили их повернуть к югу. Корабли провели зиму на Гавайских островах, где 14 февраля 1779 года погиб начальник экспедиции Джеймс Кук. И вот теперь сменивший его капитан Клерк решил повторить эту попытку.

Гости поразили всех рассказом не только о том, что им довелось испытать и пережить, но и сроком и дальностью своего плавания. В подтверждение своих слов им пришлось показать карты путешествий, предусмотрительно захваченные с собой. Удивлению слушателей не было конца. Англичане, увидев интерес Бема к открытиям, вручили ему в дар карты двух предыдущих плаваний под командой капитана Кука, которые прислал с ними их новый командир.

Вечером майор устроил в своем доме бал, пригласив на него едва ли не все население Большерецка. Заморских гостей поразили изящные туалеты дам, решивших не ударить лицом в грязь. Для пущей важности сам майор тоже оделся в костюм, который был бы уместен хоть на столичном балу. Англичан тронул оказанный им прием, он согрел их среди холодной северной весны. Им очень понравились русские песни и танцы, исполненные специально для них.

На следующий день гости уезжали. Провожал их весь Большерецк «с принадлежащим почтением и пушечною пальбою». С одной стороны выстроились казаки и солдаты, с другой — штатский люд. Под барабанный бой англичане вместе с майором Бемом и капитаном Шмалевым прошли сквозь этот живой коридор и спусти-

Петропавловская гавань.

лись к реке. Майор тоже отправился в Петропавловск.

Гости вернулись на корабли не с пустыми руками. Они привезли с собой четыре больших мешка табака. Русские офицеры и солдаты просили передать его английским матросам, у которых уже давно кончились запасы. Капитану Клерку, страдавшему туберкулезом, Бем преподнес масло, мед, инжир, рис и «две дойные коровы для пропитания», а всем офицерам — много сахара и чая.

Утром 22 мая командир Камчатки прибыл на флагман «Резолюшн», где его приветствовала морская пехота. Оба корабля, как адмиралу, салютовали ему двадцатью одним пушечным выстрелом. На второй день он был принят на «Дискавери» с теми же воинскими почестями.

В благодарность за все сделанное для них на Камчатке англичане подарили Бему разные диковинные вещи, собранные ими на островах Океании, а также квадранты и подзорные трубы. Тогда же, 26 мая, майор под пушечный салют и троекратные приветствия матросов попрощался с англичанами. Он пообещал прислать осенью из Охотска необходимые для починки ко-

раблей канаты, гвозди, смолу, парусину, поскольку был уверен, что их новая попытка пройти в Ледовитый океан не увенчается успехом и они вернутся на Камчатку.

5 июня английская эскадра вышла в море. Бем и Шмалев снабдили капитана Клерка указом к русским «промышленным» людям, добывавшим морского зверя на островах северных морей, чтобы «те старались оказывать англичанам почтение и дружество» и обходились с ними «со всякою благожелательною ласкою».

Майор Бем оказался прав. Вторая попытка английской экспедиции пройти северным путем вокруг Америки окончилась неудачей. В течение восьми дней Клерк пытался пробиться через громадные массы льда, но был вынужден отказаться от этого намерения. Корабли получили повреждения и нуждались в ремонте. 13 августа 1779 года эскадра вновь встала на якорь в Петропавловской гавани. За три дня до этого скончался капитан Клерк, и командование принял Джон Гор.

В качестве временного командира Камчатки англичан встречал теперь Василий Иванович Шмалев.

Когда он поднялся на борт, оба корабля приветствовали его салютом из всех орудий. Ему были преподнесены на память часы, стоявшие на столе в каюте капитана Кука, а также некоторые местные изделия с Гавайских островов. Вместе с английскими моряками капитан Шмалев принял участие в погребении капитана Клерка, которому «устроили могилу у березового дерева, обложили ее дерном и обнесли частоколом», как писал Шмалев иркутскому губернатору. Через несколько лет над могилой Клерка был поставлен каменный памятник, сохранившийся до наших дней. Он стоит теперь в центре города Петропавловска-Камчатского.

30 августа из Охотска на судне «Св. Георгий» прибыли заказанные для англичан Бемом корабельные припасы, а также скот и мука. 1 октября, отремонтировав повреждения, английские суда покинули гостеприимную Камчатку. Они держали курс на родину.

«ДАЛЕКИЙ И ТЯЖКИЙ ПУТЬ»

Вышедший в отставку майор Бем с семьей сел на корабль в Большерецке 18 июня 1779 года. Из Охотска с большим трудом по бездорожью, через горные перевалы и быстрые реки добрались они до Якутска и только 19 октября прибыли в Иркутск. Здесь встретили Бема первые огорчения. Он, несколько лет служивший на Камчатке ее командиром, ожидал деловых расспросов об этом крае, об использовании его богатств, готов был поделиться опытом. Но в Иркутске никто не проявил интереса к его начинаниям. Вместо этого ему вручили казенные «запросные пункты», где требовали дать подробнейший отчет за все годы. Однако же он ежегодно отправлял свои отчеты в Иркутск, вел подробные журналы, куда заносил все

Памятник Ч. Клерку в Петропавловске-Камчатском.

расходы, составлял описи и реестры. Обидно было немолодому майору чувствовать себя как будто «под судом и следствием» и прорывалась эта обида «на жестокую и противоположную» ему судьбу в его письмах.

Надолго задержали Бема в Иркутске ответы на «запросные пункты». А иркутский губернатор уже чинил ему новые препятствия. По его приказанию Бему выдали подорожную, где записали его отставным, а потому и было ему отказано в казенных прогонах до Петербурга. Снова в письмах Бема слышатся жалобы на несправедливость, снова пытается он напомнить о своих заслугах. Напоминал он, как посылал покупать на собственные деньги в Якутске коров, лошадей и коз, как заводил на Камчатке земледелие, а скот и зерно оставил при отъезде в казенное пользование. Или вот еще что:

покидая службу, передал он своему преемнику 50 тысяч рублей, а сам-то принял казну с недоимками...

Но молчал «покровитель» Бема генерал-прокурор Вяземский, и пришлось Матвею Карповичу «предпринимать сей далекий и тяжкий путь на собственное иждивение». Он платил из небольших своих средств за проезд семьи, за свой багаж и за всевозможные редкости, которые вез он в Петербург, исполняя царский указ о том, дабы все «курьезные» вещи доставлялись в Академию наук. По собственному почину и за свой счет купил он разную одежду северян и кое-какие другие вещи: надеваемую по праздникам расшитую меховую парку, непромокаемую рубашку из рыбьих пузырей, в которой алеуты выходили в море на промысел, модель их лодки-байдары. Бем вез также «для пробы» в столицу ножи из камчатского железа, чтобы показать, что можно и на месте изготовлять ножи, топоры и другие металлические мелочи, а не возить их из-за моря. Много забот доставляла Бему и коллекция, подаренная английской экспедицией, мало ли что могло случиться в дальней дороге.

Лишь 19 февраля 1780 года Матвей Карпович Бем с семьей прибыл в Петербург. Диковинные редкости, которые он с таким упорством, схожим порою с самоотверженностью, вез с Камчатки, не пропали в пути, не затерялись на глухих почтовых станциях, не пострадали на ухабах. Он в целости и сохранности доставил все коллекции и вручил их генерал-прокурору Вяземскому для передачи в Кунсткамеру при Академии наук.

Вскоре по приезде в столицу Бем посетил английского посла Гарриса. Он передал ему бумаги, которые отправил с ним капитан Клерк. Не будучи уверенным в исходе северной экспедиции, тот решил, что таким путем они быстрее и надежнее попадут в Англию. Кроме донесений самого Клерка там находились и дневники

Джеймса Кука с записями, доведенными до дня его трагической гибели.

Поблагодарив Бема за помощь английским мореплавателям, посол спросил, что он предпочитает получить: деньги или памятный подарок. От денег Бем отказался сразу же. Тогда Гаррис подарил ему от себя лично золотую табакерку.

А некоторое время спустя Матвей Карпович получил из Англии посылку. В большом ящике лежала тщательно упакованная в стружки великолепная серебряная ваза с подносом и чашей. На самом верху вазы, поддерживаемой дельфинами, сидел тритон, дувший в трубу, а ее ручки и края были украшены искусно отлитыми раковинами. Это был дар британского адмиралтейства, выражавшего свою благодарность в торжественной надписи по-латыни: «Знаменитому мужу Магнусу Бему» — за гостеприимство, оказанное английским кораблям на суровых берегах Камчатки.

Через несколько лет Бем был принят в члены Вольного экономического общества и напечатал в его трудах свое сочинение «О земледелии и хлебопашестве в Камчатке». Он составил позднее целую книгу с «Описанием земли Камчатки», но ее судьба нам неизвестна.

Недолгое время Бем еще служил в столице казначеем в Коллегии иностранных дел, но вскоре переехал в свой родной город Ригу. Он жил там в бедности, хотя и занимал должность председателя губернского магистрата. Дожил Бем до глубокой старости и умер в Риге в 1806 году.

А привезенная майором Бемом коллекция уже начала свой самостоятельный путь. Очень скоро после получения вещей они были выставлены для обозрения в Кунсткамере. В те времена «чтобы установить порядок и дать возможность рассмотреть вещи с достойным вниманием» в музей впускали за один раз не больше 50 че-

Шлем махиоле из черных перьев.

Браслет из кабаньих клыков.

Крючок для ловли акул.

(ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Д. КУКА).

ловек. Посетители подолгу задерживались у нарядных, ярких изделий с Гавайских островов, удивлялись, разглядывая разноцветные накидки и шлемы из красных, желтых, белых и черных перьев. Сколько же птиц нужно было поймать, чтобы собрать столько перьев? И удивлялись еще больше, узнав, что на изготовление одного большого плаща уходило 180 тысяч птичек! Маленькие перышки приходилось долго и терпеливо привязывать к ячейкам сетки, сплетенной из тонких волокон, потому и ценились эти наряды очень дорого и редко попадали в руки иностранцев. Только вожди да военачальники в бою имели право носить накидки и шлемы из перьев, а опахала и веера служили символом власти. Было выставлено и оружие островитян: копья, стрелы, кинжалы из очень твердой породы дерева и похожая на лопату плоская палица, усаженная акульими зубами. Для защиты от такого опасного оружия воины на острове Таити надевали на грудь щиты, сплетенные из прутьев, украшенные тесьмой из кокосовых волокон, акульими зубами и птичьими перьями. Плетеные циновки, которыми устилали пол в домах на острове Тонга, деревянные подго-

ловники, служившие подушками, музыкальные инструменты из тростниковых трубок, длинные гребни, черепаховые рыболовные крючки — вся эта невидаль переносила жителей северной столицы на далекие острова южных морей.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Доставленные майором Бемом вещи с открытых Джеймсом Куком тихоокеанских островов первыми в Европе оказались в распоряжении ученых. Остальная часть коллекций, собранных участниками экспедиции, попала в Англию лишь несколько месяцев спустя на кораблях, вернувшихся на родину осенью 1780 года. Куковская коллекция поступила в Кунсткамеру вместе с «Описью вещам, привезенным из Камчатки майором Бемом», которую составил он сам. Такие описи намного увеличивают научную ценность коллекции, они документируют ее, сообщая, кто и где ее собирал, какими путями попала она в музей. Двести лет прошло с тех пор. Но и сейчас, взяв в архиве музейную опись, мы получаем все нужные сведения о любом предмете: из какого материала и где он изготовлен, кто и как им пользовался. Сама коллекция дожила до наших дней почти в полной сохранности, лишь несколько ветхих вещей было списано за это время. В экспозиции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, как теперь называется Кунсткамера, всегда есть несколько экспонатов из этой коллекции. Они выставлены в зале второго этажа музея, у входа в который посетителей встречает краткая надпись: «Коренное население Австралии и Океании».

Иногда коллекция покидает музейные стены. В 1974 году одиннадцать предметов отправилось за океан в американский город Портленд. Там была организована международная выставка, посвященная памяти Джеймса Кука и его открытиям. Свыше сорока музеев, архивов, библиотек и научных обществ прислали на выставку свои экспонаты. Здесь были выставлены карты плаваний экспедиций Кука, составленные им самим, и его письма, навигационные приборы того времени, фотокопии судовых журналов и портреты участников экспедиций, зарисовки новооткрытых стран. В этнографической части выставки внимание привлекали ценнейшие экспонаты, полученные из Ленинграда. Они мало пострадали от времени, лишь поблекла яркость перьев. А ведь многие музеи не смогли прислать свои вещи из-за плохой их сохранности и ограничились фотографиями.

А совсем недавно, в 1978 году, семнадцать предметов из тихоокеанской коллекции побывало на своей родине. В городе Гонолулу на Гавайских островах этнографический музей организовал в честь двухсотой годовщины третьего плавания Джеймса Кука выставку собранных тогда местных изделий.

Минуло два века после плаваний капитана Кука. Но и сейчас музейные экспонаты знакомят нас с той жизнью, которую застали его корабли на островах Тихого океана в XVIII веке. Они не так уж безгласны, эти молчаливые предметы. Если прислушаться к ним, они расскажут удивительные истории, поведают о необыкновенных судьбах, ибо они хранят память о людях.